

3. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВО ВРЕМЕНА РАСЦВЕТА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

После похода Святослава Русь и Византия находились во враждебных отношениях.

Об этом мы узнаем из продолжения хроники александрийского патриарха Евтихия, писавшего по-арабски и под арабским именем Саида Ибн-Батрика свою «Нить драгоценных камней», принадлежащего перу христианина Иоанна, известного тоже под своим арабским именем Яхьи Ибн-Саида.

Уже в 986 г. Византия оказалась в тяжелом положении — император Василий II Болгаробойца попал в засаду к болгарам под Средцем, был разбит и едва спасся «горною дорогой». По свидетельству современника этих событий византийского поэта Иоанна Геометра, в эту борьбу вмешались скифы, в которых нетрудно усмотреть русских. Следом этих событий является летописное упоминание о походе Добрыни и Владимира на болгар.

Быть может, к этому времени относится начало возобновления связей между Русью и Византией. В 986 г. военачальник византийской армии Варда Склир поднял восстание в Малой Азии. Весной следующего 987 г. Василий вызвал находившегося в заточении в монастыре на острове Хиосе родственника убитого византийского императора Никифора Фоки — Варду Фоку и поручил ему подавление восстания. В сентябре 987 г. Варда Фока разбил и захватил в плен Варду Склира, но в свою очередь поднял восстание и провозгласил себя императором, а в конце 987 г. войско мятежного Фоки стояло у Хризополя, расположенного в Малой Азии против Константинополя.

Положение Василия II было критическим.

«И стало опасным дело его, был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истошились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему усло-

вие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей к Хризополю. И победили они Фоку». Так говорит о событиях этого времени Яхъя. 13 апреля 989 г. Варда Фока вторично был разбит Василием при Абидосе. Сам Фока был убит.¹

Итак, в конце 987 г. или в самом начале 988 г. завязывающиеся между Русью и Византией отношения вылились в договор исключительной важности — Владимир организует и посылает на помощь Василию большое войско, а за это император выдает замуж за русского князя свою «порфирородную» сестру и обязуется ввести на Руси христианство.

Нужно сказать, что подобного рода договор был большой дипломатической победой Владимира и обусловливался тем катастрофическим положением, в котором оказался Василий.

В самом деле, Владимир обещал только набрать и послать в Византию отряд воинов, что вообще не было чем-либо новым, так как воины, по договорам Руси с Византией, всё время отправлялись на службу императору.

Византия же в лице своего императора гораздо большим поступалась в пользу Руси. В самом деле, «мужественный правитель Севера», к которому все же Византия обратилась как к простому князю (ἄρχοντα Ῥωσία), тогда как при обращении к хазарскому князю употреблялись эпитеты «наиблагороднейший и наиславнейший», становился мужем «порфирородной», честь, в которой за год до этого отказали императору Оттону Великому, сватавшему за своего сына дочь Романа II, заявив, — «неслыханная вещь, чтобы порфирородная, (т. е. дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре. — В. М.) вступала в брак с варваром».

Это было свидетельством критического положения Византии, могущества Руси и дипломатической победой Владимира одновременно.

¹ В. Р. Розен. Император Василий II Болгаробойца. Приложение к «Запискам Императорской Академии Наук», СПб., 1883, т. XLIV. — А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 98, 99.

Кроме того, Владимир становился родственником императора, получал определенный чин и определенное место в византийской придворной иерархии. И действительно, Владимир добился звания стольника византийского императора (τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης). Император обещал также ввести христианство по всей Руси. Это обстоятельство имело двоякий характер. С одной стороны, император таким путем, что вообще чрезвычайно характерно для Византии, пытался распространить вместе с религией церковное влияние на Русь, а следовательно, что не разделялось в византийской практике, влияние политическое. С другой же стороны, способствуя превращению Руси в христианскую державу, Византия тем самым объективно вводила ее в ряды христианских государств Европы и укрепляла ее международное положение.

Летом 988 г. шеститысячный русский отряд был уже в Византии и сражался в войсках Василия. Боевые действия этого отряда, его путь, его судьба, представляющие для нас большой интерес, будут предметом нашего рассмотрения особо.

Морской поход русских во времена Владимира связан и с принятием Русью христианства.

Анализ и сличение различных источников [«Повесть временных лет», Новгородская I летопись, «Память и Похвала» русскому князю Владимиру Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Иллариона, «Чтения» о Борисе и Глебе Нестора, «Жития» Владимира («Обычное», «Проложное», «Особого Состава»), «Слово о том, како крестился Владимир, возмня Корсунь» и др. русские источники, а также Яхъя, Кедрин, Зонара, Михаил Пселл, Асохик и др.] дают возможность сделать вывод о том, что Владимир крестился сразу же после заключения им соглашения с Василием II о помощи, женитьбе и крещении, т. е. в конце 987 г.

Это подтверждается и «Житием» Владимира, в котором речь идет о том, что «по святом крещении поживе блаженный князь Владимир лет 28», а так как Владимир умер 15 июля 1015 г., то, следовательно, год его крещения — 987. То же самое говорит «Память и Похвала» Иакова Мниха, по которой Владимир берет Корсунь «на третье лето» по крещении, а Херсонес был взят в 989 г., следовательно, год крещения — 987 (мартовский).¹

Древнейшие русские источники говорят о местных корнях христианства Владимира, о крещении его в Киеве кем-либо из

¹ А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 102, 103, 106. — М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 501. — Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. «Исторические записки», № 5, 1939, стр. 109.

представителей многоязычного, многоплеменного Киевского христианства.

Крещение это могло быть совершено без соблюдения всех правил восточного христианства, по христианскому обряду вообще, без учета намечающихся между западно- и восточно-христианской церковью различий, и это, равно как и то, что Византия в деле крещения Владимира оказалась обойденной, привело к сознательному искажению действительности греческими священниками в те времена, когда русская «книжность» оказалась в их руках.

Так родилась «Корсунская легенда».

Она была внесена в «Начальный свод», сделалась официальной версией о крещении Руси и, устранив древние свидетельства о нем, превратилась в орудие определенных церковно-политических тенденций. Автором ее был грек-христианин, один из создателей и строителей древнерусской церковной организации, человек, хорошо знающий топографию Херсонеса, вставляющий греческие слова в русскую речь («кубара», «лимен», «василика»), один из «корсунских попов» Десятинной церкви.¹

Старинные рассказы и, повидимому, источники, говорившие о крещении Владимира на Руси (Киеве, Василеве), о походе Владимира-христианина на Корсунь, сознательно игнорировались, замалчивались летописцами, и лишь отдельные отрывки этих местных, русских, достоверных сообщений, рисующих все события, связанные с крещением Владимира и Руси в ином свете и в соответствии с действительностью, сохранились и дошли до нас только в других источниках, причем искаженные и неполные. Итак, мы с полным основанием можем считать, что поход на Корсунь был предпринят Владимиром уже после принятия им христианства. Но почему Владимир, только что заключивший соглашение с Василием «о сватовстве и женитьбе», вдруг внезапно нападает на крымские владения своего шурина? Нет никакого сомнения в том, что поход Владимира на Корсунь был вызван тем, что Русь, выполнив свои обязательства по договору с Василием, ожидала того же от Византии. Последняя же, получив шеститысячный русский отряд, не торопилась осуществить договор: выдавать замуж за «варвара» «порфиородную» Василий все же не хотел.

Мы не знаем, почему за год до Корсунского похода Владимир «к порогам ходи», но мы можем предположить, что здесь, очевидно, он ожидал Анну, выйдя ей навстречу и остановившись в том месте, где византийской миссии, в составе которой должна

¹ А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 99, 100, 104, 109, 111, 113, 114. — С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Руси. «Историк-марксист», кн. 2, 1937. — Р. В. Жданов, ук. соч., стр. 16, 17, 19, 20, 23, 24, 28.

была прибыть и Анна, угрожала опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших русских у порогов. Здесь и оставился Владимир со своей дружиной, поджидая греческих послов, отсюда он повернул, не дождавшись Анны, к себе в Киев для того, чтобы на следующий год выступить в поход на Корсунь и, таким образом, оружием вынудить Василия выполнить свои обещания.

Русские суда весной 989 г. спускаются вниз по Днепру, выходят в море и пристают у Херсонеса.

Место высадки русского десанта, отрезавшего Корсунь от суши (вариант А. А. Шахматова, предположившего, что первые шесть месяцев Владимир блокировал Херсонес только с моря, должен быть отброшен как совершенно не соответствующий условиям местности¹), различными исследователями приурочивается к разным пунктам побережья. Бертье-Делагард полагал, что высадка русских воинов с лодий имела место в Карантинной бухте, которая длинным и узким, причудливо извивающимся заливом, заходит далеко в глубь берега у самых стен Херсонеса и отделяет город от Севастопольского рейда.² Б. Д. Греков резонно возражал Бертье-Делагарду, считая, что прорыв русского флота в Карантинную бухту был невозможен не только из-за той опасности, которую несли собой стены Херсонеса, но и потому, что в глубине бухты Владимир мог встретить укрывшийся в ней греческий флот, а войдя в нее, мог быть отрезан с моря греческими судами.

Поэтому Б. Д. Греков полагает, что местом высадки Владимира была Стрелецкая бухта, где он и расположился лагерь «дали града стрелище едино».³

С этим следует согласиться, исходя из конфигурации берегов, в чем я мог убедиться, специально исследовав в 1929 г. побережье Черного моря у Херсонеса, и из того, что только такое предположение объясняет то место в летописи, где говорится «кладези яже суть за тобою (Владимиром, — В. М.) от востока».⁴

Дата похода на Корсунь и осады города может быть установлена точно. Продолжатель «Истории» Льва Диякона Калойского Михаил Пселл говорит, что «явление кометы и огненные страшные столбы, видимые ночью на северной части неба

¹ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. в честь В. И. Ламанского.

² Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС Акад. Наук, 1909, т. XIV, кн. I, стр. 248, 249 и др.

³ Б. Д. Греков. Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь. Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии, 1929, т. III, стр. 109 и др.

⁴ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 112.

предвещали... завоевание Херсона Тавроскифами и взятие Веррой Мисьянами.¹ Яхъя Александрийский и Аль-Мекин датируют это небесное явление 7 и 11 апреля 989 г. Другое же явление, произошедшее 27 июня того же года, Михаил Пселл считает провозвестником октябрьского землетрясения. Следовательно, Корсунь был взят русскими между апрелем и октябрём, т. е. летом 989 г.

Осада была длительной и упорной. «И ста Володимер об он пол города, дали гряда стрелище едино, и боряхуся крепко из града. Володимер же обьстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рек Володимер к гражданам: „аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лета“». ²

Русские насыпали перед стенами города земляной вал («приспу»), для того чтобы по нему ворваться в город. Корсунцы же «крадуше сыплемую перьсть» и относили к себе в город, ссылая землю «приспы» «посреде града». Осада затягивалась. Но недаром еще со времен Игоря, а быть может, и ранее русское влияние распространилось на Крым; недаром в следующем, XI в. корсуняне убили своего котопана камнями за то, что он отравил русского тмутараканского князя Ростислава; недаром здесь еще в XIII в. остается какое-то русское население и действуют безыменные русские князья.³

Еще со времен Игоря какие-то земли в восточной части Крыма вошли в состав владений Киевского князя, а по ту сторону Керченского пролива раскинулись земли русской Тмутаракани. Со времен Святослава на Крымскую Готию распространился, как мы это знаем из «Записки Готского топарха», протекторат русского князя.⁴

Понятно, почему в осажденном Херсонесе нашлись люди, которые оказали помощь Владимиру.

«Житие Владимира особого состава», Плигинский список «Жития» говорит о том, что варяг, по имени Ждьберн, в записке, прикрепленной к стреле, пущенной в лагерь Владимира, сообщил русскому князю, по какому пути в город доставляются припасы. Владимир велел перекопать дорогу, и Корсунь сдался.

Другой вариант рассказа о взятии Херсонеса сообщает, что стрела была пущена рукой корсунянина Настаса (Анастаса), который указал Владимиру, где находятся водопроводные трубы, снабжающие город водой. Владимир приказал их перекопать, и город сдался.

¹ Д. Попов. «История» Льва Диакона Калойского... стр. 108.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 106.

³ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XI.

⁴ С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. «Памятники христианского Херсонеса», т. III, М., 1908, стр. 81, 82.

Следует отдать предпочтение второму варианту, так как перекапывать сухопутную дорогу бессмысленно, тем более, что Владимир, очевидно, обложил город со всех сторон, и никакой подвоз был немислим. Другое дело — водопровод. Русские могли не знать и, действительно, не знали, каким путем корсунцы получают воду, и прекращение ее подачи, конечно, могло заставить херсонеситов сдаться Владимиру.

Но в обеих версиях речь идет о разных людях, и гораздо проще представить себе стреляющим в русский лагерь варяга Ждьберна, чем «корсунянина» Анастаса, который выступает позднее на Руси в роли киевского епископа. Не проще ли предположить, что исполнителем был варяг Ждьберн, а инициатором «корсунянин Настас», будущий киевский епископ, за услугу взятый Владимиром на Русь, обласканный им и игравший большую роль на Руси вплоть до времен Святополка Окаянного.

Б. Д. Греков считает, что и «Анастас и Ждьберн могли действовать одновременно и даже сообща».¹

Корсунь был взят. Владимир послал гонцов к «Василью и Константину, глаголя аще „Се град ваю славный взях, слышу же се, яко сестру имата девою, да еще ее не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих»».²

Угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в расчеты императора. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих поправных прав.

В Корсунь прибыла Анна. Отдав Корсунь Василию «за вено... царицы дееля», Владимир с Анной, Анастасом и «попы Корсуньски», взяв мощи святых Климента и Фифа, церковные суда, иконы, «ида (идолы, — В. М.) медяны две капищи, и 4 кони медяны», возвращается в Киев.

Началось крещение Руси.

Вернемся к судьбам русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам. Русские воины на службе у византийских императоров не были редким явлением. «Русин» на службе у императора знают договора Руси с Византией.

О первых русских воинах в Византии говорит Константин Багрянородный. Сведения о них собрал в своей замечательной работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков» В. Г. Васильевский.³

¹ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 111.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 107.

³ ЖМНПР, 1874, ч. 176—178.

Из сочинения Константина Багрянородного «De cerimoniis aulae byzantinae» мы узнаем, что русский отряд в 700 человек принимал участие в морском походе на Крит в 902 г. и сражался с арабами, за что и получил 100 литров серебра.

Нам известно о других морских походах русских в составе византийского флота уже в более позднее время. Речь идет о походе в Италию, против лангобардов, в 936 г., при Романе Лакапине, в котором принимало участие 415 русских воинов; о походе на Крит в 949 г., когда в составе греческой флотилии было 9 русских судов с 629 воинами.¹

В это время 7 русских судов находились в Диррахии и Далмации, а остальные в Калабрии и Испании. В поход на Крит отправилось 9 русских кораблей и две галеры с пленными, вооруженными и принимавшими участие в боях. Интересно отметить, что русские воины, принимавшие участие в морских походах византийских императоров, получали более высокое жалованье, чем их иноплеменные товарищи, также служившие наемниками у «ромеев».² Это свидетельствует о том, что русских мореходов Византия высоко ценила. В 961 г. Роман II просит у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была оказана, и снова русские воины в составе византийского войска, организованные в особый отряд, предпринимают морской поход на далекий Крит. Как мы уже видели, летом 988 г. шеститысячный отряд русских воинов, посланный на помощь императором Владимиром, находился уже в Византии и сражался против мятежников.

Остановимся на его действиях в границах Византийской империи и за ее пределами.

Михаил Пселл, продолжающий хронику Льва Диакона, сообщает о том, как к Василию II «незадолго перед тем... пришел от Тавроскифов значительный военный отряд». Кедрин рассказывает о том, как император, действуя против мятежного Варды Фоки у Хризополя (Скутари), «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь, так как кстати он призвал к себе из них союзную силу и сделал зятем князя их Владимира по своей сестре Анне; переправившись с ними, он неожиданно нападает на врагов и легко захватывает их в свои руки». А Зонара, повествуя о разгроме войск Варды Фоки под Хризополем, добавляет: «Когда Дельфина расположился лагерем против Хризополя, император напал на них с русским народом, потому что он, устроив родственный союз с

¹ Ф. Успенский. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888, стр. 10.

² Константин Багрянородный, ук. соч., vol. I, Вонпае, 1829, стр. 660—674.

князем их Владимиром через сестру свою Анну, получил отсюда вспомогательный военный отряд».¹

Первая крупная битва с мятежными войсками Варды Фоки была выиграна только благодаря помощи русского отряда, посланного в Византию Владимиром.

Мы можем вслед за В. Г. Васильевским проследить дальнейший путь этого отряда, очевидно, непрерывно пополняемого, вследствие убыли, новыми русскими воинами. Шеститысячный отряд русских воинов стал как бы частью византийского войска. Людской состав его менялся, одни умирали, другие погибали в бою. Откуда черпались новые воины, мы не знаем, но можем предположить, что они приходили из Руси, вербуемые там греками, причем в их рядах были и русские-славяне и скандинавские наемники, жившие на Руси и служившие русским князьям, т. е. и те, которые с изначала именовались в Византии варягами, а именно русские, и норманские искатели славы и добычи, также именовавшиеся в Византии варягами, вроде знаменитого, овеянного дымкой легенды, воспетого в сагах Гаральда Гардрада, зятя Ярослава Мудрого. Но эта варяжская, скандинавская струя появится лишь позднее, в первой четверти и в 30-х гг. XI в. Воины русского отряда со своими типичными для них боевыми топорами — секирами (недаром их часто называют «секироносными варварами») и мечами, копьями и щитами выступали в роли дворцовой стражи императора, его телохранителей. Мы видим их в 999 г. в городе Химсе, в северной Сирии, сжигающими собор Святого Константина, в 1000 г. в Таронском округе (между Диарбекиром и Эрзерумом) в составе византийского войска. И сообщаящий об их встречах с грузинами Асохик (Степанос Таронский) говорит, что «народа Рузов» «было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали в Христа». «Западными воинами» называет этот русский отряд и продолжатель Асохика Аритакес Ластивертский, говорящий о схватке русских с грузинами в 1000 г., не о войне, а именно схватке, о драке воинов двух союзных войск, русских и грузин.

Там же, в Малой Азии, мы встречаем русский отряд в битве с грузинами 11 сентября 1022 г. при Шегфе у Эрзерума, в 1031 г., в 1033 г., когда они берут крепость Пергри, в 1047 г. в Грузии в качестве союзников Баграда. Они сражаются в византийских войсках в южной Италии при Каннах в 1019 г.,

¹ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. ЖМНП, 1874, ч. 176, стр. 122—124.

отбивая яростные атаки французских норманнов. Их снова находим в Италии в 1025 г., в 1038—1042 гг., когда они сражаются в Апулии и Сицилии. В эти годы в отряде русских воинов сражается знаменитый викинг, Гаральд Гардрад, будущий норвежский король и муж Елизаветы Ярославны, герой скандинавских саг.

В 1016 г. русские дерутся с болгарами в Пелагонии, участвуют в дворцовом перевороте в Византии в 1042 г., по свидетельству Льва Остийского, правда, нуждающемуся в серьезной критике, сражаются у города Бари, в Калабрии и Апулии в 1009 (или 1010) г., а в 1047 г. снова воюют в южной Италии, тогда как другая часть русского отряда в это время пребывала в Грузии.¹

Отсюда, из походов в Италию, быть может, занесен был на Русь праздник перенесения мощей Николая Чудотворца в город Бари (9 мая), под стенами которого сражались русские воины византийской службы, возвращавшиеся к себе на Русь.

Здесь на совместной службе, варяги-скандинавы сталкивались с варягами-русскими, славянами. В те времена, и это очень убедительно показал в своей вышеназванной работе В. Г. Васильевский, «варягами» в Византии называли русских или приходивших из Руси, тогда как собственно скандинавы выступали под другими названиями (в частности, наименованием «жителей островов дальнего севера»).

В рядах этого отряда искал славы и добычи на «вено» для женитьбы на «презиравшей его русской девушке с золотой гривной на шее», Елизавете Ярославне, будущий ее муж и король норвежский, а до этого дружинник Ярослава Мудрого, Гаральд Гардрад. В составе русского отряда бились норманны, попавшие под влияние своих русских товарищей по оружию и привезшие на свой суровый север вместе с воспоминаниями о знойном Блааланде (Африке) и сказочно-богатом Миклагарде (Константинополе) и слова славянского происхождения, заимствованные ими у своих русских собратьев по оружию.

Так, например, саги называют Георгия Маниака «Гирги-р», т. е. Гюрги, по-русски, а дворец императора именуют «polotu-r» («палаты»), т. е. тоже по-русски, и т. п.

С середины XI в. значение русского отряда в Византии падает, но участие его в византийских делах В. Г. Васильевский прослеживает и дальше.

Принятие Русью христианства, усиление значения церкви в политической жизни Руси, появление греческого духовен-

¹ В. Г. Васильевский, ук. соч., ЖМНП, ч. 176—178.— В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 39.

ства, и т. п. — все это приводило к установлению определенной системы, при которой взаимоотношения Руси и Византии выражались формулой, согласно которой Византия считала себя «игемоном» Руси, а Русь упорно отстаивала свою независимость во внешних сношениях и в организации церкви. Русские воины попрежнему шли на службу к императору и непрочь были повторить времена Олега и Игоря. Так, Кедрин сообщает, что в 1018 г., после смерти Владимира и Анны, какой-то сородич (свояк) Владимира, Хрюсохейр («Золоторукий», «Золотая Рука», имя, аналогичное Волчьему Хвосту, т. е. имя-прозвище) с 800 воинами прибыл на судах к Константинополю, «желая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие и явиться к нему для переговоров невооруженным, Хрюсохейр «не захотел этого и ушел через Пропонтиду». Разбив стратига Пропонтиды под Абидосом, он ушел к Лемносу. Здесь русские были обмануты византийцами и перебиты.¹

Это был поход-налет, предпринятый, очевидно, Хрюсохейром на свой страх и риск, но вскоре стремление Византии к «игемонии» заставило самого Ярослава взяться за оружие.

В 1043 г. Владимир Ярославович с воеводами Вышатай Остромиричем и Иваном Творимиричем выступил в поход на Византию. Греки рассматривали этот поход как бунт своих подданных «росов», которые стали подданными императора уже по одному тому, что приняли греческую веру. Но для русских это была борьба с попытками императора и патриарха подчинить своему влиянию, своей власти независимую Русь.

Отношения между Русью и Византией уже некоторое время были напряженными. В Константинополе знали о готовящемся походе и, во избежание осложнений в самой Византии, выслали из Константинополя русских купцов, а русское вспомогательное войско, игравшее со времени Владимира большую роль в империи, было выведено из столицы и расквартировано в провинции («скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях»).

В Константинополе знали о том, что русские недовольны сложившимися отношениями и готовятся к борьбе. Но пока что обе стороны сносились безбоязненно и торговали друг с другом. Поводом к выступлению русских послужило убийство греками какого-то «важного скифа», т. е. русского. В ответ на этот инцидент Владимир Ярославович выступил в поход на Константинополь. пылая «яростной и бешеной ненавистью против греческой игемонии», русские знали, что

¹ Georgi Cedrini, стр. 478, 479.

сражаются против сильного и опасного врага, простирающего свои руки к молодой Киевской державе.

Возобновив «старую вражду», они «нарубили вверх (в верховьях Днепра, — В. М.) леса, выстроили из него малые и большие лодьи» и вышли в море. Кедрин определяет войско русских цифрой в 100 000 человек, Аталиота называет другое число — 400 лодей, т. е. около 20 000 воинов, и это, несомненно, ближе к действительности. Им удалось проникнуть в Пропонтиду, и здесь они вступили в переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить мир, т. е. какой-то договор, очевидно, долженствующий положить конец притязаниям Византии на «игемонию» над Русью, и заплатить по 1000 статиров на каждую лодью (по другому варианту по 3 литра золота на воина). Император отказался. В морском сражении грекам помогла страшная буря. «Сильный ветер двинулся с востока на запад; взмутив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другая, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам». Так говорит об этом сражении Михаил Пселл.¹ «Повесть временных лет» сообщает: «и бысть буря велика, и разби корабли Руси».²

Воспользовавшись бурей, крупные греческие суда — триеры (триремы) ворвались в расстроенную штормом русскую флотилию и пустили в дело греческий огонь. «И князь корабль разби и ветер и взя князя (Владимира Ярославовича, — В. М.) в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославль». Более шести тысяч воинов из разбитых лодей оказались на берегу. Они хотели пробиться на Русь по сухопутным дорогам, но не имели военачальника. «И не идяше с ними никто же от дружины княжее». Тогда Вышата заявил, что он идет с ними. «Аще жив буду, то с ними, аще погину, то с дружиною». Но уйти на Русь не удалось. У Варны русские были разбиты, масса воинов пала в сражении, около 800 человек были приведены в Константинополь и ослеплены. Только через три года Вышата вернулся на Русь.

Оставшиеся лодьи, на которых плыли Владимир Ярославович и Иван Творимирич, повернули на север. Вдогонку им император послал 14 судов, но русские, повернув обратно, дали

¹ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII в. ЖМНП, ч. 178, 1875, стр. 89—92.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 150, 151.

им бой, «изби оляди Гречьския» и только после этого вернулись на Русь.¹

Когда, через три года после указанных событий, Византия почувствовала на себе всю силу ударов печенегов и познакомилась с кривой печенежской саблей, это заставило ее искать помощи у Руси, которая могла сковать кочевую стихию. Этим и объясняется возвращение Вышаты из византийского плена на Русь. Но дружеские отношения между Русью и Византией возобновились нескоро. Только в 1052 г. или 1053 г. Русь снова увидела на митрополичьей кафедре грека, и в дом русских князей была принята византийская царевна. Это была невестка Ярослава, жена его сына Всеволода, дочь византийского императора Константина Мономаха.

Этим мы заканчиваем рассмотрение морских походов русских во времена расцвета Киевского государства.

С середины XI в., после смерти Ярослава Мудрого, начался период феодальной раздробленности.

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 150, 151. — В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 89—93.

352730

В. В. МАВРОДИН

НАЧАЛО
МОРЕХОДСТВА
НА РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
1949